

275 лет исполнилось со дня открытия русской Америки и 25 лет со дня официального похода камчатских парусников к берегам Аляски.

Немного предыстории.

В сентябре 1990 года камчатский крейсерский яхтклуб получил официальное приглашение от губернатора Аляски Брюсса Батэлло посетить с амый северный штат Америки

и принять участие в праздновании 250-летия со дня открытия русскими мореплавателями самой далекой земли Российской Империи. Приглашение было принято, и в июне 1991 года три камчатских яхты отправились в дальнее плавание. Ниже мы приводим воспоминания участника похода Евгения Панченко. Впервые его воспоминания были опубликованы в Соболевской районной газете «Рассвет» в 1992 году.

Вообще, с открытием Русской Америки у историков возникло много вопросов. Официально считается, что первые русские, которым открылись берега Аляски, были моряки со «Святого Павла» под командованием Алексея Чирикова в 1741 году. Однако значительно раньше берега далекой северной земли (1648 году) увидели члены экспедиции Семена Дежнева. В 1732 году на боте «Святой Гавриил» Михаил Гвоздев достиг побережья Аляски в районе мыса Принца Уэльского. Он определил координаты и нанес на карту несколько сот километров побережья полуострова Сьюарт, затем вернулся в Нижне-Камчатский острог.

В 1772 году на Алеутских островах было основано первое торговое русское поселение. С точки зрения истории из этих дат трудно выбрать ту, которая является точкой отсчета со дня открытия русскими первопроходцами Аляски. А последнюю дату, пожалуй, можно взять для исчисления срока для такого понятия, как Русская Америка.

Все в нашей истории непросто. Русская Америка была продана США в октябре 1867 года за 7 миллионов 200 тысяч долларов. Об этой торговой акции

рассказывалось

много. С одной стороны существует версия о чисто коммерческом характере сделки. По

другой версии царское правительство Александра II
(царя Освободителя)

было вынуждено продать Аляску, иначе ее рано или поздно забрали бы силой Соединенные Штаты Америки, а у России не было сил и возможностей ее защищать. После поражения в Крымской (Восточной) войне международное положение Российской Империи было едва ли не самым худшим, начиная с 1725 года. Кстати, последним губернатором Аляски был князь Дмитрий Максудов, герой обороны Петропавловского порта 1854 года.

Вячеслав СКАЛАЦКИИ

(Продолжение. Начало в № 106 от 25.05.2016)

□ Непредвиденные обстоятельства

На вторые сутки, при абсолютно ясном небе, начинает крепчать ветер. Убираем стаксель, рифим грот (уменьшаем площадь паруса) на третью пол-ку. Курс полный форде-винд, скорость ветра в порывах до 30 м/сек. В 20:00 сдаем вахту Ветрову и Струначеву. Залезаю в спальный мешок. Минут через 30 зовет Ветров – надо поставить штормовой стаксель и убрать грот. Чертыха-ясь начинаем с Соколовым облачаться в «непромоканцы». Вылезаем на палубу, там свето-преставление. Скорость ветра возросла до 40 м/сек., в воздухе – сплошной гул, за кормой вздымаются десятиметровые валы. О том, чтобы поставить передний парус, уже не может быть и речи. Ветров двумя руками вцепился в румпель, с трудом удерживая курс, лаг — зашкаливает. Струначев и Соколов спускают грот. В этот момент лопается завалталь, и гик со свис-том летит с левого борта на правый. Благо, ребята находятся в районе мач-ты. Какое счастье, что ванты выдержали удар. Соколов одной рукой уцепился за мачту, другой держит Струначева, судорожно сучащего ногами по палубе. Думаю: «Хана, зашибло», но Гена просто не удержался на ногах и не может подняться с мокрой и скользкой палубы. Через мгновение гик снова летит на левый борт. Положение критическое.

Наконец удается опустить гик на палубу и закрепить

его.

Под голым рангоутом (отсутствие парусов) скорость 6 узлов. Все четверо приходим в себя в кокпите. Сзади вырастает волна. Яхта начинает приводиться. Тонны воды прокатываются по палубе. Следом за этой волной вырастает новая. Что-то ужасное закрыло собой еще светлеющее небо. Яхту стремительно бросает в бродинг (яхта теряет управление). Ветров бессилён что-либо сделать. Он оглядывается назад, а когда поворачивается к нам, глаза его расширены, мы слышим крик: «Му-жик, п...ц!». Здесь меня впервые охватывает ужас. Огромная масса воды обрушивается сверху. Мертвой хваткой вцепились мы друг в друга. До сих пор не могу понять, как нас не вышвырнуло из кокпита. Вода схлынула с палубы, но кокпит полон.

Вокруг творится такое, что у меня нет слов, чтобы описать это. Ветров кричит, чтобы я и Соколов

быстро спустились вниз – необходимо облегчить

корму.

В каюте хаос. С каждой новой волной порции воды через неплотности сдвижного люка потоком льются внутрь. Радио-станция залита. По телу растекается неприятная слабость, дрожат руки. Через раковину мойки помпой откачиваю воду. В открывшемся на мгновение люке появляется голова Струначева: «Быстро вяжите концы, будем стравливать за корму». Связываем, подаем наверх. Вытравливаем метров 200 - 300, скорость яхты замедляется, она устойчивей держится на курсе. Так и просидел в «непромоканце», не сомкнув глаз до следующей своей вахты.

К утру все успокоилось. Когда в 8 часов сдавали вахту, ветер не превышал 15 м/сек.

А в 9:00 лишились пера руля. Штормом расшатало крепление пятки скега, и перо вместе с осью канули в океанскую пучину. Через гелмпорттовую трубу внутрь яхты поступает вода. Разгрузив ахтерпик, устранили течь. Как хорошо, что это случилось не ночью! Однако ситуация критическая. «Тарпон» в 200-х милях к западу от северной оконечности острова Ванкувер, до Датч-Харбора, куда держим путь, 1000 миль.

Решаем следовать в ближайший порт для ремонта. Таковым оказывается канадский Порт-Харди на Ванкувере. Ветров и Федоренко приступают к изготовлению аварийного рулевого управления. В ход идут обрезки фанеры, спинакер-гик, аутригер, которм

мы ставили на «ба-бочку» геную на полных курсах. Отныне вахта не на румпеле, а на «веревках», которые проведены в кокпит, через блоки на концах спинакер-гика, за-крепленного поперек ях-ты. Под краспицей разви-вается флаг «дельта», означающий по междуна-родному своду сигналов «Я управляюсь с трудом, держитесь в стороне от меня». Но читать наш сигнал некому, океан пустынен. Погода, слов-но извиняясь за причинен-ные неприятности, благо-приятствует

плаванию.

Через двое суток, рано утром, швартуемся у борта рыбоприемной шху-ны в Порт-Харди.

Милая представительница имми-грационной службы, пред-варительно справившись, нет ли у нас оружия и наркотиков, ставит в пас-портах штампы. «Прият-но провести время в Ка-наде, ребята!». И все. Быстро и, главное, бесплат-но. Но тут выясняется, что в Порт-Харди нет возможности поднять ях-ту на слип. Рекомендуют перейти на 25 миль юж-нее, в местечко Сантула, что

на

острове Малколм. Не теряя времени, восполь-зовались советом. Через несколько часов выбира-ем место для швартовки на причалах Сантулы. Разведываем обстановку. В деревушке несколько подъемников для малых судов. Все они сейчас свободны. Но сегодня суббота, а в понедельник национальный праздник Канады – День незави-симости, так что три дня для ремонта потеряны.

Знакомимся с дерев-ней. Основали Сантулу финские переселенцы. Основное занятие жите-лей – рыбная ловля. Имеется несколько мел-ких судоремонтных ма-стерских. На одной из таких верфей и догова-риваемся о ремонте. На предприятии всего трое работ-ников: хозяин мис-тер Таркенен, его дочь и наемный рабочий Джон. Наконец во вторник ях-та на берегу. Все работы поручаются Джону, хо-зяин уехал на рыбалку. Три дня Джон ходит во-круг да около, примеряясь, с чего бы начать. Перо руля для легких су-дов ранее ему делать не приходилось. Мы все нервничаем. Видя такое дело, Ветров решает взять инициативу в свои руки. Работа закипела. Джон на подхвате у Вет-рова, Тарасова, Федоренко.

В свободное от работы время путешествуем по острову, ходим в гости. В приглашающих недо-статка нет. В один из дней произошел забав-ный случай. Пригласили нас в один из домов, в сауну. Мы ее сами про-топили, сидим, млеем. Из парной в предбанник-раздевалку окошко, Вдруг видим, заходит хозяйка, доволь-но молодая особа, начинает раздеваться. Юра забеспокоился: «Она, наверно, не знает, что мы

здесь».

Среди экипажа нервный смешок: «Там от мужских трусов ступить негде».

Тут открывается дверь, входит девушка, в чем мать родила, и подсаживается к нам на полоч. Мужчины в полном смятении. Минут через пять пришли в себя и даже завязали светскую беседу. После сауны – купание в холодных водах пролива и роскошный ужин у костра. Узнав, что Олег музыкант, хозяева раздобыли ему трубу, и долго еще над ночным островом разливались русские мелодии.

Мы уже знаем, во что обойдется ремонт, у нас нет и половины необходимой суммы. Поиском валюты занят Жилайтис. Он с кем-то связывается по факсу, куда-то звонит. Однако все безрезультатно. Огромную помощь нам оказывает Н.Голицын, старший сын князя Голицына, покинувшего Россию во время революции. Никогда бы не подумал, что встретим живую историю нашей страны в столь глухой деревушке. Деду за 70, однако, он еще очень бодрый, много времени занимается общественной работой. Наконец, без помощи Голицына и наших друзей в Датч-Харборе, находим недостающую валюту у «Аламара». Ремонт стоил нам 1700 долларов и это притом, что вся работа была сделана своими руками.

Проведя на Малколме полторы недели, поздней ночью, 10 сентября, покидаем Сантулу. Вспоминаю про свой сон. Рассказываю ребятам: «Вот, мол, думал, что сон в руку, однако, нет, все нормально, идем домой».

В заливе Королевы Шарлотты вода буквально кипит от дельфинов. Их сотни. Почти 4 часа идам в этой «дельфиньей ухе».

И снова вокруг безбрежный океан. Титов балует нас оладьями. Уплетаем их, кто – со сгущенкой, кто – с вареньем, запиваем крепким чаем.

Оверкиль (переворот)

17 сентября барограф начинает стремительно падать. Бакштаг левого галса позволяет идти по генеральному курсу, но также неумолимо ведет нас прямо в центр циклона. Ночью началось. К утру ветер 40 м/сек. Мы уже знаем, что это такое. Связанные концы вытягиваются за кормой. Ураган длится весь день. Затем еще в течение полутора суток дует со скоростью 35 м/сек. Давно уже дрейфуем по воле ветра и волн. О продвижении по курсу пока и не думаем. Небрежность в связывании концов обернулась почти полной их потерей. Да, дома таких «веревочек» днем с огнем не сыщешь – американский презент. Претензии предъявлены мне и Титову – узел, который раздался, завязывал кто-то из нас. Проглатываем «пилюлю», хотя каждый в душе уверен, что виноват не он.

Когда ветер стихает до 20 м/сек., ставим штормовой стаксель и зарифленный грот и в крутой бейдевинд начинаем выбираться на норд-норд-вест. Скорость – не более 3 узлов. Яхту то и дело сбивают с курса огромные волны. Постепенно океан успокаивается. Ветер снова попутный, отличная скорость, и мысленно уже прикидываем дату возможного прибытия в Датч-Харбор. До него остается чуть более 300 миль, но 21 числа барограф опять чертит вниз отвесную линию.

Вновь в снастях свистит ветер. Под голым рангоутам пытаемся продвигаться по курсу, при этом идем почти поперек волны. Я был на верхней палубе один, когда на переднем склоне волны, обрушивающийся гребень положил яхту мачтой на воду. Все произошло так мгновенно, что я не успел среагировать рулем. Крен получился более 90 градусов. Страховка удержала меня в кокпите.

В каюте бедлам. Содержимое камбузных ящиков размазано по противоположному борту. Продвигаться данным курсом больше невозможно. Применяем испытанную практику: связываем остатки концов и травим их с транца. Анемометр зашкаливает за отметкой 40 м/сек. Господи, сколько же можно, чем мы тебя прогневали? Нас несет мимо островов Чирикова. Полагаем укрыться за ними. Но при попытке изменить курс, заваливает яхту более чем на 90 градусов вахта Ветро-ва. Впереди по курсу, в нескольких часах хода, группа скал, выступающих на поверхность. Нас несет прямо на них. Необходимо изменить курс хотя бы на 5 градусов. Ветрова и Струначева наверху сменяют Тарасов и Федоренко.

Забравшись с головой в спальный мешок, пытаюсь в форпике отдохнуть перед очередной вахтой. Страшной силы удар сотрясает яхту. Меня с размаху бросает на

под-волок(потолок). Ватный спальник спасает от неминуемой трав-мы. Взору предстает удручающая картина. По-до мной уже нет коечно-го настила, бимсы, под-держивающие его, слома-ны. Я сижу среди груды продуктов, парусов и личных вещей. Посреди каюты, стоит Струначев, глаз у него залит кро-вью.

Из своего «гроба» по-дает голос Зигмас: «Ре-бята, перевяжите». У не-го пробита голова в об-ласти височной кости. «Где Юра? Его нигде нет», – вопрошает Вик-тор, держась за бок. Впо-следствии окажется, что у него сломано ребро. «Что Юра, он в яхте был, как там верхняя вахта?» Ветров выгляды-вает в люк: «На месте». Как гора с плеч свалилась.

Соколов оказывается погребенным под вещами. В момент переворота (а именно это с нами и про-изошло, только яхта вер-нулась на ровный киль через тот же борт, через который переворачива-лась) он лежал на ниж-ней койке, привязавшись к стойке, поддерживаю-щей верхнюю. Пайолы вылетели, следом поле-тели уложенные под ни-ми продукты. Затем вы-ломалась стойка, к кото-рой привязан Юра. На-зад все возвращается в обратном порядке: Соко-лов, на него консервы, затем пайолы, сверху ос-тальное барахло, послетавшее со всех коек.

Когда яхта стала в ис-ходное положение, имею-щаяся в трюме вода ус-тремилась по борту вниз. Услышав журчанье, боц-ман кричит: «Вода в лодке». В свою очередь Ветров орет: «Искать пробоину». К счастью, пробоин нет. Но разру-шения ввергают в уны-ние. Правда, окончатель-но картина выяснится позже. Сейчас глубокая ночь. Время переворота зафиксировано точно. Судовые часы остановились в 0 часов 33 минуты 22 сентября.

День не приносит об-легчения. Волны более 10 метров, ветер за 35 м/сек. Каким-то чудом скалы все-таки остают-ся справа. На руле си-дим спиной к носу, гля-дя на догоняющие яхту волны, это позволяет из-бегать обрушивающихся гребней.

Появляется новая опас-ность. Если направление и скорость ветра не изменятся, то ночью нас может выбросить на бе-реговые скалы полуост-рова Аляска. Рассуждая об этом вслух, подаю мысль об использовании аварийного буйа. В ответ тишина. Через некоторое время повторяю свою мысль. Первым не вы-держал старпом. Он взрывается: «Да что ты заладил: «Буй, буй. Замол-чи!». Больше про буй не заикаюсь.

Атмосфера в яхте гнетущая. Господи, помоги нам! Никто не знает ни одной молитвы, а то бы молились. Как потом признается один из членов экипажа, он мысленно уже попрощался с родными. Видит Бог, мы все были близки к этому. Все-таки и в этот раз судьба была благосклонна к нам. Изменившийся ветер позволил укрыться в бухте Чигник и ошвартоваться у причала одноименного рыбозавода.

Все понимаем, что в Петропавловск самостоятельно уже не дойти. Администрация завода отнеслась к нам с участием. Поселили в общежитии для сезонных рабочих, бесплатно кормят в столовой, оказали необходимую медицинскую помощь пострадавшим, предоставили все необходимое для ремонта. На яхте оторван фальшборт по правому борту, по левому – выгнуты стойки леерного ограждения, попорвана рубка в месте сочленения с палубой. Всего дефектная ведомость насчитывает 28 позиций.

С ремонтом управляемся за 3 дня. Под крики провожающих 26-го вечером уходим от причала. Через несколько минут выясняется, что Юра забыл сдать ключи от общежития. Возвращаемся. Нехорошая примета. Прощай, Чигник! Наверяд ли мы когда-нибудь попадем сюда снова.

До Датч-Харбора четверо суток хода. Ровно столько же нам отпущено до очередного циклона. И он таки достал нас за 6 часов до подхода. Ветер стал усиливаться за проливом Унимак, а на траверзе Акутана свистел уже 36 м/сек. Последние мили перед Датч-Харбором прошли в упорной лавировке. Уже в Капитанском заливе с оглушительным хлопком вырвало галсовый угол у подаренного стакселя. Но мы почти у цели. 30 сентября в 23.00 швартуемся на том же месте, которое покинули 72 дня назад.

Из яхт-клуба пришла радиogramма, запрещающая переход в Петропавловск своим ходом.

Начинаются томительные дни ожидания оказии для возвращения домой. Сталкиваемся за это время с черствостью и бездушием наших «родных» советских чиновничьих кругов. Положение усугублено отсутствием валюты. Некоторое разнообразие в ситуацию вносит прибытие в Датч-Харбор многочисленной

делегации из Петропавловска-Камчатского, возглавляемой председателем горсовета А.Б. Вакариным. В составе делегации – ансамбль «Мэнго». Артистов селят в то же общежитие, где проживаем мы. Знакомимся со всеми.

Через 23 дня проходящий сухогруз «Пестово» забирает 6 членов экипажа «Тарпона» во Владивосток. В Петро-павловск попадаем 9 ноября. Старпом, боцман и наш верный «Тарпон» придут домой только в последних числах ноября. В родной порт их доставит траулер «XXVII съезд КПСС».

Так закончилась эта эпопея. За 59 ходовых суток пройдено 6,5 тыся-чи миль или более

12-ти ты-сяч километров.

Черт побери, все-таки не так просто уйти от судьбы. Как ни крути, а сон оказался пророчес-ким! До конца это плава-ние мы не довели. Жаль. Хотя, если честно, в тот момент мне этого уже и не хотелось.

Когда сегодня меня спрашивают: «Ну что, наверное, до конца жизни наплавался?». Я отвечаю: «С нетерпением жду то-го дня, когда снова сту-плю на борт яхты, и на-полненные ветром паруса понесут за убегающий горизонт».

Этот очерк был написан в 1992 году. На такой высокой ноте закончил я тогда повествование, но как оказалось, не слукавил. Так и носит меня периодически по разным водам до сих пор.

□